Чернов

Юбилей Николая последнего

H
2010

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Юбилей Николая Послѣдняго.

(1894 — 1904 г г.)

«Государи, благодаря окружающей ихъ дворцовой атмосферѣ, воспитываются во лжи, приводящей ихъ къ основной фальши; эгоизмъ всей ихъ обстановки закаляетъ ихъ сердца противъ естественныхъ симпатій; они постепенно вырабатываются въ тирановъ, благодаря подчиненности, проявляющейся во всѣхъ умахъ, съ которыми они соприкасаются, и они поощряются къ деспотизму той рабской уступчивостью, которая поддерживаетъ ихъ шаги къ власти и злоупотребленіе ею. Какъ вѣрно то, что коршунъ высиживается своей матерью, изъ своего яйца, въ своемъ залитомъ кровью гнѣздѣ, — такъ вѣрно то, что прихлебатель-придворный является во дворцѣ законнымъ воспитателемъ тираніи».

H. Brougham.

Кто не помнитъ, какія надежды расцвѣли въ сердцахъ многихъ обывателей при вступленіи, въ 1894 г., на престолъ «молодого монарха»? Мрачное царствованіе Александра III, нависшее болѣе 10 лѣтъ свинцовой тучею надъ страной, кончилось. Не было извѣстно, что собою представляетъ новый царь. Но всѣмъ казалось, что во всякомъ случаѣ онъ будетъ лучше своего предшественника. Тотъ вступалъ на престолъ въ зловѣщее время, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ трагической смерти отца; тотъ долженъ былъ отсиживаться въ Гатчинѣ отъ народовольцевъ, откладывать коронацію, изъ страха, чтобы Царь-Динамитъ не разметалъ все торжество; тотъ долженъ былъ уединяться въ финляндскихъ шхерахъ и въ эмиграціи у тестя въ Даніи и выторговывать для коронаціи проходное свидѣтельство у Исполнительнаго Комитета Народной Воли; тотъ, подобно травленному волку, долго копилъ сосредоточенную озлобленность и съ ненормальной концентраціей мыслей на одномъ предметѣ дрожалъ за свою власть, вырабатывая изъ себя маньяка самодержавной идеи. Николай II былъ свободенъ отъ этихъ угнетающихъ впечатлѣній; онъ могъ

дѣйствовать съ развязанными руками; передъ нимъ было достаточно спокойнаго, свободнаго отъ политическихъ бурь времени, чтобы снискать популярность въ обществѣ, заранѣе настроенномъ въ его пользу. Къ тому же общество было весьма нетребовательнымъ: послѣ такого царя, какъ Александръ III, немногаго было бы достаточно, чтобы показаться добрымъ и симпатичнымъ...

Къ Александру III было особенно приложимо французское изрѣченіе: quand il a peur, il est terrible (когда его охватываетъ страхъ, онъ становится ужасенъ). Заурядный, упрямый «культурный дикарь», не выдающійся ничѣмъ, онъ былъ игрушкой и моральной жертвой своего положенія. Исторія сдѣлала его средоточіемъ всѣхъ ужасовъ самодержавнаго режима, который пережилъ себя и оказался въ непримиримомъ противорѣчіи съ самыми жизненными потребностями страны. И всѣ результаты этого противорѣчія, этого столкновенія — всѣ слезы, стоны, вся кровь и муки, неразлучные съ огромной тюрьмой, въ которую была превращена Россія, — съ го дами все сильнѣе и сильнѣе концентрировались въ фигурѣ этого человѣка. Побѣда его надъ врагами, передъ которыми ему такъ долго приходилось трепетать, — сообщила ему ту уравновѣшенность, ту удовлетворенность маньяка, которая была непроницаемой броней, охранявшей его отъ впечатлѣній живой жизни — а эти впечатлѣнія могли бы заставить содрогнуться и мало чувствительное сердце. Но, будучи отъ природы человѣкомъ съ пониженною чувствительностью и воспріимчивостью, онъ пріобрѣлъ ту зачерствѣлость, которая плотной корой закупорила его сердце для жизни — и онъ шелъ черезъ лужи крови и грязи, черезъ моря слезъ и трудового пота народнаго, механически и нечувствительно, все болѣе и болѣе принимая образъ какого то нечеловѣческаго, неестественнаго выходца изъ другого міра — какой то зловѣщей статуи Командора, «тяжелымъ пожатьемъ каменной своей десницы» захватившаго несчастную страну и тянущаго ее назадъ, къ мраку дореформенныхъ порядковъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставался совершенно обыкновеннымъ, ограниченнымъ и достаточно невѣжественнымъ человѣкомъ — по натурѣ онъ вовсе не былъ тѣмъ ядовитымъ гаршинскимъ «краснымъ цвѣткомъ», который впиталъ въ себя все зло, всю жестокость, всю извращенность и всѣ черты звѣрства, сохранившіяся въ человѣчествѣ; нѣтъ, то была лишь тѣнь, отбрасываемая на него ненормальностью режима, средоточіемъ котораго пришлось быть ему.

Общественное мнѣніе не дооцѣнило значеніе той желѣзной логики положенія, которая своими зубьями захватила заурядную личность Александра III. Общественное мнѣніе переоцѣнило значеніе тѣхъ особыхъ условій, подъ впечатлѣніемъ которыхъ Александръ III занялъ мѣсто своего отца. Лишенное сколько нибудь глубокаго политическаго воспитанія, наше культурное общество не поняло, какое фатальное наслѣдство оставилъ Александръ III своему сыну — и устремило на послѣдняго свои взоры, полные надеждъ и ожиданій...

Говорили, что самая молодость царя дѣлаетъ его умъ и сердце болѣе открытыми новымъ мыслямъ и вѣяніямъ, болѣе воспріимчивымъ къ потребностямъ и запросамъ жизни; говорили, что онъ образованнѣе отца, что онъ проникнутъ болѣе современнымъ духомъ. Забывали, что это еще очень немного — быть образованнѣе того закоренѣлаго «Топтыгина III», образъ котораго такъ мастерски нарисовалъ Щедринъ; забывали, что молодость, доступность вліяніямъ — это палка о двухъ концахъ, и что въ атмосферѣ придворнаго преклоненія молодой, неумный, не самостоятельный, но унаслѣдовавшій упрямство отца юноша, вознесенный на сверхчеловѣческую высоту, увѣренный, что онъ — помазанникъ Божій, чудеснымъ образомъ воспріявшій особое наитіе свыше — тѣмъ легче можетъ выработаться въ тупого, самоувѣреннаго, заскорузлаго невѣжду, незамѣтно пляшущаго по чьей угодно дудкѣ и въ то же время воображающаго себя орудіемъ непогрѣшимаго божественнаго разума. Забывали, что такой человѣкъ можетъ лучше всего совмѣстить тряпичность души съ упорнымъ отстаиваніемъ своего самодурства, полное незнакомство съ бытомъ и потребностями подвластнаго народа, съ отсутствіемъ всякаго желанія поучиться, приглядѣться, узнать его — ибо «даръ духа святаго» замѣняетъ это все, и, получивъ его при помазаніи на царство, «аки древле Саулъ», царь уже «не учась ученъ, коль пріидетъ въ восхищенье». Забывали... и нужно было, чтобы царя осѣнило нѣсколько первыхъ «восхищеній»: только тогда общество было выведено нѣсколькими грубыми толчками изъ радужныхъ сновидѣній, опомнилось и вернулось къ чувству дѣйствительности. А дѣйствительностью было — все то же роковое проклятіе, фатально тяготѣющее надъ самодержцами всѣхъ временъ и народовъ...

* * *

Окружающіе Николая II характеризуютъ его, какъ человѣка слабаго, безвольнаго, но временами крайне упрямаго. Онъ по складу своему фантазеръ, мечтатель, не чуждъ сентиментальсости. Тираническая воля его отца, не терпѣвшаго въ семьѣ никакихъ противорѣчій, съ дѣтства ломила и гнула нѣсколько женственную и слабую натуру Николая. Немногіе свободные порывы сердца душились и вырывались съ корнемъ. Такъ, передъ бракомъ съ Алисой Гессенской, онъ, тогда еще наслѣдникъ, вздумалъ было распорядиться со своимъ сердцемъ самъ, не справляясь съ этикетомъ, — и долженъ былъ отправиться лечиться отъ этой болѣзни въ то несчастное путешествіе, въ теченіе котораго онъ получилъ въ Японіи сабельную рану фанатика-полицейскаго. Эта сабельная рана была какъ бы прообразомъ той, еще болѣе жестокой, сабельной раны, которую русскій царизмъ получаетъ въ настоящее время отъ той же Японіи. — Царствованіе Николая II вообще было богато такими пророческими эпизодами...

Сентиментальныя фантазіи Николая II, проникавшіе въ общество слухи о его кратковременныхъ и слабыхъ «бунтахъ» противъ придворнаго этикета, опутывающаго съ ногъ до головы каждую изъ жертвъ Зимняго Дворца, и были причиною тѣхъ упованій и надеждъ, которыя возлагались на него въ культурно-либеральныхъ сферахъ. Къ тому же земцы сохраняли довольно благопріятное воспоминаніе о немъ изъ тѣхъ временъ, когда, въ качествѣ наслѣдника, онъ предсѣдательствовалъ въ «Особомъ благотворительномъ Комитетѣ» во время голодовки 1891-1892 г. г. Насколько безпокоили эти черты его личнаго характера придворную клику? Это трудно сказать; повидимому, однако, не очень. Было слишкомъ легко дать простой выходъ его фантазіямъ. Не имѣя представленія о реальной жизни народа, Николай былъ лишенъ всякаго чувства мѣры и перспективы, и ему ничего не стоило принять за великую милость, за облагодѣтельствованіе всей страны самую жалкую побрякушку. Ему предоставляли сколько угодно писать «утѣшительно» и «одобрительно» на губернаторскихъ и министерскихъ докладахъ о мнимыхъ успѣхахъ культуры и образованія въ Россіи, — а прессѣ запретили царскія отмѣтки комментировать; ему предоставили съ помпой ознаменовать вступленіе на царство указомъ объ ассигновкѣ 50000 рублей на вспомоществованіе нуждающимся литераторамъ и ученымъ — сумма, порядокъ употребленія которой легко могъ превратить ее въ литературный «фондъ пресмыкающихся». Впослѣдствіи къ этимъ и другимъ подобнымъ мелочамъ при-

бавилась еше болѣе грандіозная комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи — Гаагская конференція мира, которая должна была облагодѣтельствовать не только Россію, но и все человѣчество. На этомъ послѣднемъ примѣрѣ особенно рельефно видно, до какой степени раздвоился для царя міръ сентиментальной фантазіи и реальной дѣйствительности. Всенародная мирная конференція — и провоцирующая политика захьатовъ на Дальнемъ Востокѣ, приводящая къ кровавымъ гекатомбамъ; «утѣшительно» на докладахъ о ростѣ школъ — и законъ о предѣльномъ обложеніи, кастрирующій культурно-просвѣтительную дѣятельность земства; первая милость, адресованная литераторамъ и ученымъ — и преслѣдованія литетатуры, науки и ихъ представителей, не знающія себѣ ничего подобнаго въ прошлой исторіи... Двѣ-три показныя мѣры преисполняютъ царя чувствомъ умиленія передъ дѣлами рукъ своихъ, и онъ уже мечтаетъ о дружномъ хорѣ благодаренія, ему уже рисуются картины, какъ подвластные ему народы устремляютъ къ нему сердца, и «собравшися къ его престолу, и, кроткихъ внявъ законовъ гласъ, по желтосмуглымъ лицамъ долу ліяютъ токи слезъ изъ глазъ». И вдругъ — черная неблагодарность... Сердце царя вспыхиваетъ гнѣвомъ. «Вотъ черни судъ! Ищи жъ ея любви!» И онъ идетъ слушать краткій катехизисъ государственной мудрости самодержавія, доказывающій, что страной можно управлять только бичами и скорпіонами...

Несчастная, жалкая фигура! Жертва своего положенія! Создай его случай не потомкомъ царской фамиліи, а обыкновеннымъ смертнымъ, онъ безмятежно провелъ бы жизнь мирнымъ обывателемъ, немного легкомысленнымъ, съ добрымъ, хотя и тряпичнымъ сердцемъ, — былъ бы отличнымъ семьяниномъ, питалъ бы сентиментальную нѣжность къ женѣ и дѣтямъ, на досугѣ не безъ удовольствія слушалъ бы странника, который разсказывалъ бы ему и его женѣ, какъ хорошо было бы ублаготворить весь міръ, давши «тебѣ кусокъ, мнѣ кусокъ и всѣмъ прочіимъ также по куску»; повздыхавши объ этомъ, шелъ бы въ губернское правленіе или игралъ бы съ сосѣдомъ въ преферансъ или винтъ — и такъ тихо и мирно протекла бы его незамѣтная жизнь... И вотъ, капризомъ судьбы эту обывательскую фигурку вознесло на самую вершину грандіозной общественной пирамиды, — въ его дрожащія руки попали бразды управленія внутренней и внѣшней политики, — ему внушили, что наитіе Божіе, что почившая на немъ благодать ставитъ его, какъ царя, превыше законовъ естества... Онъ

вознесенъ на такую высоту, что его слабая голова совершенно закружилась и отъ него отлетѣло всякое чутье реальности. Удивительно ли, что волна реакціи подхватила его и закружила, какъ ничтожную щепку?

Вотъ какими чертами рисуетъ его одинъ изъ сенаторовъ, имѣвшій достаточно случаевъ познакомиться съ его личностью и характеромъ:

«Онъ — тупъ, совершенно необразованъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже, въ частности, что творится въ Россіи. Онъ любитъ семейную жизнь, дѣтей. Въ то время, какъ Россія переживаетъ серьезный кризисъ, онъ преспокойно предается патріархальной семейной идилліи. Утромъ они всѣ вмѣстѣ пьютъ чай или кофе, потомъ Александра Федоровна сама наскоро собираетъ со стола, и они вдвоемъ садятся играть въ карты. Если въ это время придетъ какой нибудь министръ съ докладомъ, то ужъ лакеи, чтобы подслужиться, просятъ обождать или придти въ другой разъ, такъ какъ «Его Величество заняты и принять не могутъ». Доклады онъ подписываетъ, не читая; онъ даже (sic!) «Новаго Времени» въ руки не беретъ! Правда, Александръ III былъ тоже не уменъ, но тотъ хоть любилъ военное дѣло, а этотъ и здѣсь ничего не смыслитъ... Изъ министровъ онъ слушается того, кто съ нимъ грубъ, кричитъ на него — Николай очень трусливъ и его легко запугать... Витте былъ съ нимъ развязенъ и безцеремоненъ, и Николай долго его слушался; но еще грубѣе былъ Плеве, которому легко удалось вытѣснить Витте и превратить Николя въ послушнаго школьника...»

Такова характеристика, въ которой сходятся всѣ, знающіе Николая.

«Ахъ, да развѣ онъ что нибудь понимаетъ?» съ досадой говоритъ о немъ наслѣдникъ — нынѣ «бывшій» наслѣдникъ — Михаилъ. — «Бѣдный, запуганный молодой человѣкъ» — говоритъ про него Левъ Толстой. — «Путешествіе въ нашу страну — истинная пытка для этого робкаго, боязливаго и меланхолическаго существа» писалъ во время франко-русскихъ торжествъ enfant terrible реакціи, Дрюмонъ. — Но не иное впечатлѣніе производитъ онъ и на простонародье. «А царь-то нашъ скучный-прескучный» — говоритъ одесская баба. «Пришелъ вiн такой совѣстливый, ажъ глаза потупивъ» — вторитъ ей курскій мужикъ — «та и говоритъ: потерпите, молъ, ребята» . . . . Еще дальше идутъ тамбовскіе мужики, надѣляя

Николая презрительнымъ прозвищемъ: «царь куриныя-лапки».

И вотъ, такое то «существо» — именно «существо», а не человѣкъ — брошено въ водоворотъ политическихъ интригъ, гдѣ то и дѣло приходится, подобно Буриданову ослу, останавливаться въ недоумѣніи, какъ передъ двумя стогами сѣна, передъ такими величинами, какъ Витте и Плеве... Что дѣлать? Однажды, бывшій иркутскій генералъ-губернаторъ при личномъ докладѣ царю (въ началѣ 1899 г.) началъ почтительно докладывать, что сибирскія школы не слѣдуетъ передавать духовному вѣдомству. Николай слушалъ, вникалъ и вдругъ... расплакался. — «Что же мнѣ дѣлать?» — нервно заговорилъ онъ сквозь слезы. «Вы вотъ говорите — не слѣдуетъ, а Константинъ Петровичъ (т. е. Побѣдоносцевъ) говоритъ, что необходимо передать... Хоть бы вы меня то пожалѣли!» Царь, отвѣчающій всхлипываніями на вопросы жизни — такихъ персонажей исторія не долюбливаетъ и неизмѣнно приводитъ ихъ къ трагическому концу. И вся ихъ жизнь становится какимъ то сложнымъ переплетомъ трагическаго и комическаго.

* * *

Извѣстенъ слѣдующій характерный эпизодъ. Глухою осенью 1894 г., днемъ, по Невскому проспекту, шелъ молодой офицеръ, съ задумчивыми печальными глазами. Офицеръ шелъ, не привлекая ничьего вниманія, и благополучно миновалъ уже Милютины ряды, какъ вдругъ передъ нимъ выросла фигура градоначальника фонъ-Валя. Онъ бѣшено мчался въ своемъ экипажѣ по направленію отъ Зимняго дворца, зорко осматривая прохожихъ по Невскому. Увидѣвъ офицера, онъ выскочилъ изъ экипажа и, въ упоръ глядя своими красными воспаленными глазами (было болѣе 3 ч. дня и фонъ-Валь съ этого момента бывалъ совершенно пьянъ) на смущеннаго офицера, тихо сказалъ ему:

— Это невозможно, Ваше Величество!

— Но, генералъ...

— Это невозможно, Ваше Величество, и я Васъ умоляю вернуться во дворецъ...

Моментально вокругъ государя — офицеръ съ печальными глазами былъ, дѣйствительно, ни кто иной, какъ Николай II, самодержецъ всероссійскій — и фонъ-Валя собралась толпа.

Царь продолжалъ идти по троттуару; фонъ-Валь шелъ по проѣзду, почтительно изогнувшись.

— Но, генералъ, я вышелъ погулять...

— Это невозможно, Ваше Величество...

На этотъ разъ послѣдняя фраза была услышана толпой; слова «царь! царь!» переходили изъ устъ въ уста; раздалось громкое «ура»; полетѣли вверхъ шапки: тогда Николай II былъ еще очень популяренъ, на него возлагали большія надежды, и появленіе царя безъ свиты и охраны еще болѣе наэлектризовало толпу... А въ это время изъ Зимняго же дворца прискакали адъютанты, окружили плотной цѣпью царя и повели его въ Аничковъ дворецъ къ вдовствующей императрицѣ (или, какъ ее здѣсь называютъ, къ «покойной» императрицѣ). «Мальчикъ» получилъ большой выговоръ, и съ тѣхъ поръ его заперли окончательно подъ замокъ.

Конечно, на этомъ сентиментальныя фантазіи царя не прекратились. Извѣстно, что во время своего перваго въѣзда въ столицу царь привелъ въ ужасъ полицію, приказавъ снять всѣ охранительные посты и кордоны войскъ. Затѣмъ, послѣдовали какіе то слабые, неясные симптомы чего то вродѣ ослабленія царствовавшей при Александрѣ III національной нетерпимости. Это были какіе то туманные, самому Николаю неясные порывы безпредметной благожелательности, стремленія внести что-то свое, кому-то пріятное, чтобы его благодарили, любили, благословляли. Все это было въ высшей степени мелочно, лишено серьезнаго содержанія, наивно; въ концѣ концовъ изъ этого выработалось только то, что царь заявилъ свое желаніе быть «лойяльнымъ» — и эта «лойяльность» долго прославлялась повсюду. Въ чемъ же состояла эта пресловутая «лойяльность»? А въ томъ, что Николай, видите ли, не желаетъ быть деспотомъ, не желаетъ никому навязывать своей личной воли; а потому... а потому онъ не хочетъ ставить во что бы то ни стало своего мнѣнія выше мнѣнія своихъ министровъ, ибо они люди, и онъ человѣкъ; онъ тоже можетъ ошибаться; а потому онъ готовъ подчиняться большинству... своихъ придворныхъ любимцевъ. Такъ разрѣшились потуги царя пойти на встрѣчу симпатіямъ общества... Онъ нашелъ политическую формулу, которая санкціонировала и прикрывала его полную личную безпомощность и абсолютную неспособность вершить государственныя дѣла огромной страны — задача, разрѣшеніе которой, впрочемъ, пришлось бы не по плечу и во сто разъ болѣе способному и сильному человѣку...

Извѣстно также, что, по общимъ отзывамъ, совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности не было подсказано Николаю ни однимъ изъ министровъ, а учреждено по его личному желанію. Лишь впослѣдствіи къ этому желанію пристроились, его облѣпили со всѣхъ сторонъ опредѣленныя закулисныя и придворныя интриги, и оно послужило — какъ впрочемъ, всѣ благія пожеланія всѣхъ деспотовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ — средствомъ выдвинуться для однихъ, средствомъ подсчитать своихъ враговъ — для другихъ. Русскому обществу памятны помпезныя слова «Государь хочетъ знать всю правду», которыми была открыта организація совѣщаній. А въ результатѣ получилось, что охранное отдѣленіе занесло въ книгу живота болѣе откровенныхъ либераловъ, чтобы съ ними расправиться, узнавъ лучше изъ ихъ собственныхъ устъ «всю правду» объ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ... И самъ царь, узнавъ эту «правду», вознегодовалъ противъ либераловъ и одобрилъ «мѣры пресѣченія».

Еще болѣе характерны попытки царя нѣкоторыми совершенно экстраординарными путями «узнать всю правду», подробно разсказанныя въ «Освобожденіи».*) Дѣло происходило какъ разъ въ ту эпоху, когда молодой царь переживалъ какой то кризисъ — если только слово «кризисъ» подходитъ къ такой неглубокой и мелочной натурѣ; лучше сказать, переживалъ подобіе нѣкотораго кризиса, сопровождающее превращеніе болѣе или менѣе беззаботнаго насчетъ взглядовъ молодого человѣка въ особу, какъ будто обязанную имѣть свои взгляды на все, происходящее въ огромномъ государствѣ, и какъ будто тяготящуюся слишкомъ безцеремонной опекой окружающихъ. Николай, въ концѣ концовъ, покорно исполнялъ все, что отъ него хотѣли, но... какъ будто немного капризничалъ.

И вотъ, въ качествѣ одного изъ такихъ капризовъ, произошелъ любопытный эпизодъ. Царь далъ, съ помощью одного изъ великихъ князей, аудіенцію съ глазу на глазъ какому то скромному титулярному совѣтнику Клопову. Аудіенція имѣла совершенно частный, почти конспиративный характеръ — такъ сказать, маленькая шалость монарха внѣ обычнаго этикета и надзора. Что еще характернѣе, Клоповъ говорилъ какія то туманныя, но пламенныя рѣчи противъ бюрократіи, за

*) «Суррогаты гласности для Высочайшаго употребленія», «Осв.» 1903 г., № 16.

общеніе царя непосредственно съ жизнью, съ «землей»... Правда, подъ всѣми этими громкими словами для самаго Клопова по существу не таилось ничего реальнаго, кромѣ его совершенно частнаго интереса — правда, интереса фанатическаго, переходящаго почти въ манію, къ... положенію мукомольнаго дѣла. Когда-то ему было поручено изслѣдованіе этого дѣла въ какомъ-то районѣ; увлекшись этимъ дѣломъ, онъ потомъ осаждалъ всевозможными проэктами и докладными записками и земства, и министерства: отъ него отдѣлывались подачками; иногда, чтобы отвязаться, давали какія то обѣщанія; не видя исполненія ихъ, фанатикъ нуждъ мукомольной промышленности сдѣлался яростнымъ обличителемъ бюрократіи, которой онъ приписывалъ всѣ свои неудачи; и вотъ этотъ оригиналъ, заинтересовавшій одного изъ великихъ князей, предсталъ въ качествѣ выходца изъ какого то другого, таинственнаго міра, передъ лицемъ царя, и, нагруженный какими то картограммами и статистическими таблицами, заполненными гіероглифами, не менѣе загадочными и таинственными для царя, чѣмъ и самъ Клоповъ, сталъ «глаголомъ жечь» сердце монарха, говоря о его великомъ предназначеніи освободить Россію отъ бюрократіи, непосредственно узнать правду о Россіи, и прежде всего о мукольномъ дѣлѣ, о его связи съ урожаями и неурожаями, съ положеніемъ земледѣлія, и т. д., и т. д. Многое въ этихъ рѣчахъ, конечно, осталось для Николая неяснымъ и загадочнымъ, но тѣмъ болѣе они ласкали его слухъ; недаромъ еще греки воздвигали алтари «невѣдомому богу». Да и самъ Клоповъ, внѣ предѣловъ своего мукомольнаго дѣла, не представлялъ себѣ ничего конкретно о формахъ связи съ народомъ монарха, освобожденнаго отъ бюрократическаго плѣна. И вотъ, Клоповъ получаетъ отъ самаго государя особый открытый листъ за подписью коменданта дворца, съ порученіемъ «по высочайшему повелѣнію произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ». А еще немного спустя повсюду пошли и слухи о таинственной миссіи титулярнаго совѣтника, посланнаго царемъ, чтобы узнать «всю правду»; Клопова стали посѣщать и земцы, обличавшіе губернаторовъ, и чуткіе бюрократы, почуявшіе что то необычайное, и такіе же неудачники-прожектеры, какъ Клоповъ, и просто всевозможные дѣльцы, хамелеоны и проходимцы, якобы «потерпѣвшіе за правду». Нѣкоторые исправники, по завѣреніямъ кн. Мещерскаго, телеграфировали губернаторамъ, что «въ уѣздѣ проявился господинъ, требующій настоящую, а не губернаторскую правду». Посыпались жалобы; несчаст-

ный Клоповъ, вынужденный неожиданно для себя самаго быть пародіей на маркиза Позу, все болѣе и болѣе походилъ на галопирующую, осѣдланную кавалерійскимъ сѣдломъ корову; надъ «титулярнымъ совѣтникомъ Правдинымъ» зло издѣвались реакціонныя газеты, какъ надъ новоявленнымъ спасителемъ всей Россіи путемъ трехъ средствъ: «открытаго листа, подъемныхъ денегъ и фигуры, выражающей жажду къ правдѣ»; царская конспирація при помощи фанатика мукомольнаго дѣла, все болѣе выяснялась, какъ смѣшной фарсъ... А царь, которому запрещенный плодъ былъ сладокъ, все продолжалъ ждать чего то отъ секретныхъ аудіенцій, въ которыхъ титулярный Поза ничего не могъ сообщить такого, что бы не было извѣстно въ печати, и тщетно старался выдавить изъ себя какое нибудь «вѣщее слово». Но «слова» не находилось; царю же въ концѣ концовъ становилось скучно. Ни тотъ, ни другой не могли сказать другъ другу, что имъ собственно нужно; одинъ, подобно сказочному королю, могъ бы сказать: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Другой же могъ послоняться туда-сюда по бѣлу свѣту и принести... пустое мѣсто. Черезъ нѣкоторое время, Клоповъ на этотъ разъ, повидимому, вполнѣ «понятый» и «оцѣненный» ловкими людьми изъ правящихъ сферъ, совершенно успокоился и преложилъ на милость прежній гнѣвъ противъ бюрократіи, которую онъ раньше обличалъ. Онъ сталъ заявлять направо и налѣво, что «Вячеславъ Константиновичъ Плеве одушевленъ самыми лучшими намѣреніями». Такъ успокоилась эта мятущаяся душа, такъ «узналъ всю правду» Николай, такъ произошло единеніе царя съ землей и освобожденіе отъ бюрократическаго плѣна, такъ закончилась вся эта нелѣпая, пустая и смѣшная комедія между этими «игрушечнаго дѣла людишками»...

Были у царя и другіе временные «маркизы Поза», столь же нелѣпые, столь же достойные своего жалкаго и нелѣпаго повелителя. Въ качествѣ такого же царскаго каприза, извѣстный сверхъ-патріотъ, чудакъ и коллекціонеръ, князь Эсперъ Ухтомскій-Азіатскій, издавалъ съ помощью либерально и даже радикально мыслящихъ людей газету, пытавшуюся стать выше всѣхъ бюрократическихъ вліяній, слывшую одно время за личный органъ царя; князь Эсперъ призывалъ царя въ одно и то же время вывести всѣ злоупотребленія на Руси и объединить весь Китай и всю Азію подъ своей порфирой; потомъ явился самоучка-самородокъ метеорологъ Демчинскій изъ Новаго Времени, съ претензіями предсказывать и политическую погоду, много льстившій царю и много толковавшій о правдѣ

и неправдѣ, великомъ призваніи царя облагодѣтельствовать Россію и т. п.; въ результатѣ и этотъ авантюристъ «получилъ» кругленькую сумму на свою «метеорологію»; и всѣ эти мѣнявшіеся вдохновители царя проходили пестрымъ калейдоскопомъ; метеорологія смѣнялась мукомольнымъ дѣломъ, мукомольное дѣло — проэктомъ основанія паназіатской монархіи; неизмѣнными оставались лишь рѣчи о великомъ предназначеніи царя, о его миссіи, о томъ, что только отъ него вся Россія ждетъ окончательнаго ея облагодѣтельствованія. И, въ концѣ концовъ, царь, вѣроятно, и не почувствовалъ особенной разницы, когда на мѣсто титулярнаго совѣтника Правдина явился князь Мещерскій, тоже недовольный бюрократіей, тоже предлагающій царю черезъ его посредство «узнать всю правду», познать свое предназначеніе, понять — помимо бюрократическихъ канцелярій — истинныя, живыя потребности страны... И се — произошло великое событіе, о которомъ повѣдалъ своимъ читателямъ въ «Гражданинѣ» этотъ «Содомскій князь и гражданинъ Гоморры»: онъ «вышелъ изъ царскаго кабинета съ душою не только укрѣпленною, но и горѣвшею»; отнынѣ онъ вступилъ въ непосредственное «общеніе съ духовнымъ міромъ царя»...

Стоитъ, пожалуй, отмѣтить и еще одинъ эпизодъ: узнавъ о Кишиневскомъ погромѣ, Николай пожелалъ было послать собственнаго флигель-адъютанта для разслѣдованія дѣла, — но, узнавъ, что Плеве уже послалъ туда для этой же цѣли Лопухина, обрадовался и удовольствовался этимъ — тѣмъ болѣе, что Іоаннъ Кронштадтскій, высказавшійся сначала противъ погромщиковъ, понялъ свою неловкость и поправился, заявивъ, что евреи сами виноваты.

А еще черезъ нѣсколько времени царь уже входилъ — во время Саровскихъ торжествъ — въ непосредственное общеніе съ землею: его встрѣчали группы подобранныхъ, молодецъ къ молодцу, красавица къ красавицѣ, пейзанъ и пейзанокъ въ живописныхъ группахъ; собственноручно принималъ онъ отъ бабъ, въ яркихъ бытовыхъ костюмахъ, жбанъ съ яйцами; лично разспрашивалъ у старшинъ, георіевскихъ кавалеровъ, хорошо ли имъ живется и т. п. — и радовался, какъ ребенокъ, окружавшей его атмосферѣ благоговѣнія, почитанія, любви и... страха.

* *
*

Но въ это время, при всѣхъ этихъ радостяхъ «общенія съ народомъ», онъ уже не снималъ ни кордоновъ, ни пикетовъ,

ни стражи на всемъ пути слѣдованія. За это время уже много воды утекло... и еслибы только одна вода текла это время!

Неблагодарная страна роптала; вѣрные слуги царя падали жертвами злодѣйскихъ покушеній. Недаромъ, очевидно, запугивали его опытные люди, отговаривая отъ пародій на Гарунъ-аль-Рашидовскія замашки. Ихъ предостереженія, сначала казавшіяся ему пустыми словами, оказывались, очевидно, пророческими. Методъ запугиванья, объектомъ котораго онъ былъ съ начала царствованія, оказался дѣйствительнымъ, зловѣщія реальныя событія пришли къ нему на помощь и блестяще его подтвердили.

По существу дѣла, конечно, старые волки реакціи были правы, если даже порою и фальшивили. Пусть иногда имъ случалось преувеличивать, раздувать тѣ или иныя событія, чтобы напугать Николая и склонить его къ безпощаднымъ мѣрамъ. Вѣдь все равно — рано или поздно, онъ самъ бы кончилъ тѣмъ же. Колоссальное историческое противорѣчіе между царизмомъ и ростомъ самосознанія великой страны не замажешь и не устранишь пріятными улыбками. Придворная среда не можетъ воспитать царя, который бы рѣшился на политическое самоубійство — а только такое самоубійство, только отказъ отъ самодержавія, или реакція à outrance — можетъ вывести самодержца изъ фальшиваго, двусмысленнаго положенія. И вотъ почему всѣ цари, въ эпохи, когда самодержавіе отживаетъ свой вѣкъ, фатально кончаютъ тѣмъ, что ударяются въ реакцію, лишь ослабляя ее время отъ времени колебаніями, нерѣшительностью, которыя только будятъ и раздражаютъ общественные аппетиты, — а жгучую ненависть къ коронованному воплощенію произвола осложняютъ презрѣніемъ къ слабости, дряхлости и рыхлости «послѣдышей» когда то грознаго принципа.

Не оставалось безъ вліянія здѣсь и то, что вообще — даже и въ личной жизни — Николай оставался долго на рѣдкость неудачникомъ. Уже одно десятилѣтнее ожиданіе сына-наслѣдника, и каждый разъ — разочарованіе, достаточно угнетало его. Но эта, казалось бы, совершенно интимная сторона жизни, благодаря безобразной нелѣпицѣ самодержавныхъ порядковъ, неминуемо выпячивалась наружу, и хотя въ тщетномъ ожиданіи сына по существу не заключалось ничего смѣшного, но политическое значеніе этого событія и обстановка его придавала ему комическій колоритъ. Съ этимъ связывался вопросъ, перейдетъ ли престолонаслѣдіе къ Михаилу и его

линіи, а на этой почвѣ поднималось каждый разъ взбаламученное море интригъ, закулисныхъ пружинъ и разсчетовъ. Семейныя неудачи царя принимали общественное значеніе, сосредоточивали на себѣ вниманіе, знаменовали тѣ или другія общаго характера послѣдствія. Но еслибы общество само относилось къ этому равнодушно, то, какъ всегда, не въ мѣру усердная цензура позаботилась бы о томъ, чтобы сдѣлать царя смѣшнымъ нелѣпыми предупредительными мѣрами по огражденію его «престижа».

Въ «Народной Волѣ» былъ какъ то разсказанъ слѣдующій анекдотъ. Мимо Аничковскаго дворца проходятъ два господина въ жаркомъ спорѣ о чемъ то или о комъ то. «Помилуй — говоритъ одинъ изъ нихъ другому — да вѣдь онъ же просто дуракъ!» Какъ вдругъ говорящій ощущаетъ на своемъ плечѣ тяжелую руку «блюстителя порядка» и слышитъ суровый возгласъ: «пожалуйте въ участокъ!» — «Какъ, за что?» — «Нечего-съ, нечего-съ разговаривать; *знаемъ мы, кто это дуракъ*, пожалуйте въ участокъ, тамъ разберутъ». Догадливый полисменъ сообразилъ, что произошло оскорбленіе величества; о комъ бы, въ самомъ дѣлѣ, такъ говорить прохожимъ? Но такъ же точно оберегался и «престижъ» Николая II. Наши читатели еще помнятъ, вѣроятно, какъ въ Нижнемъ Новгородѣ полиція отбирала календарь, на первомъ листѣ котораго была изображена особа женскаго пола, несущая въ корзинѣ четырехъ маленькихъ поросятокъ, — въ этомъ почему то усмотрѣли намекъ на четырехъ царскихъ дочерей; съ другой стороны, послѣ выкидыша у царицы, цензура ухитрилась и это ни мало не смѣшное событіе обратить въ смѣхъ, приказавъ исключить изъ феерiи «царь Салтанъ» слова: «родила царица въ ночь не то сына, не то дочь, не собачку, не лягушку, такъ — невѣдому звѣрюшку»...

Дѣйствительно, Николай оказался неудачникомъ на рѣдкость, и его царствованіе, зловѣще начавшееся Ходынской катастрофой, очевидно, зародилось подъ несчастливой звѣздой. По мѣрѣ того, какъ всюду росло къ нему неуваженіе, презрѣніе, ненависть, онъ, осыпаемый насмѣшками всего міра, все больше и больше ударялся въ мрачный мистицизмъ. Не весела была и вообще его жизнь. Вѣчно на чеку, онъ жилъ, напримѣръ, въ Ливадіи въ своемъ замкѣ, словно въ крѣпости, ждущей непріятельскаго приступа. Населенію было строго запрещено приближаться къ этому замку; всюду кордоны и пикеты, войска и полиція, явная и тайная, въ формѣ и безъ формы. А переѣзды его по Россіи? Цѣпь солдатъ вдоль

линіи, постоянныя рекогносцировки, въ городахъ — заколачиваніе чердаковъ и подвальныхъ этажей, ревизія водопроводовъ, допускъ къ окнамъ и балконамъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію, билетики на право стоянія на улицахъ при проѣздѣ царской кареты... Не весело все это, особенно когда время отъ времени приходятъ извѣстія о томъ, что карающая рука революціи опустилась на одного, на другого, на третьяго изъ «вѣрнѣйшихъ слугъ» самодержавія... Характерно, какъ описывалъ рядовой изъ дворцовой стражи въ письмѣ на родину настроеніе и поведеніе Николая послѣ смерти Сипягина... «Въ четвергъ министра хоронили, а бѣдный государь пріѣхалъ только на выносъ, тоже страшно боится, провожать не пошелъ. Жисть хуже нашего, государь все опасается, и сидитъ больше въ своемъ Зимнемъ дворцѣ, все одно что арестованный; только и развлеченія — играютъ со своими собаками; выпуститъ когда штукъ пять, а когда восемь, они такъ на него и прыгаютъ, и бѣгаетъ съ ними по саду, а видать только изъ Морского Адмиралтейства; а то бѣгаетъ по крышѣ или же играетъ съ Братомъ въ лапту; вотъ какое тяжкое положеніе ихъ»...

Конечно, образъ этого Митрофанушки, гоняющаго по крышамъ или забавляющягося въ лапту, и здѣсь болѣе смѣшонъ, чѣмъ жалокъ. Но себѣ самому царь, конечно, не смѣшонъ, и въ немъ должна накапливаться злоба, и тѣмъ больше, чѣмъ чаще онъ начинаетъ замѣчать, что его несчастья служатъ посмѣшищемъ для другихъ. А не замѣчать этого совсѣмъ, при сложныхъ интригахъ двора, гдѣ борются столько честолюбій и гдѣ такъ изобилуютъ доносы другъ на друла — также нельзя. Свой слѣдъ должны были, наконецъ, оставить и эти интриги, которыя доходили одно время до плановъ установленія регентства. Наконецъ, и у мягкаго человѣка въ такихъ условіяхъ можетъ явиться охота «показать себя»... И мы видимъ, что царь начинаетъ «показывать себя» все больше и больше, все чувствительнѣе и чувствительнѣе...

Въ иностранной прессѣ не разъ сообщалось, что первое время камарилья не брезговала даже грубѣйшими подлогами, вродѣ неожиданныхъ появленій въ кабинетѣ царя, какъ съ неба свалившихся, угрожающихъ писемъ — разумѣется, якобы революціонныхъ. Вѣрно ли это — неизвѣстно. Но и безъ того были причины нервничать. Неудивительно, если разстроенная мнимыми страхами фантазія царя населяла окружающую среду всевозможными призраками. Вокругъ него выросталъ цѣлый фантастическій міръ невидимыхъ, злобныхъ враговъ. Слабая,

больная голова царя не могла противопоставить этому наплыву гнетущихъ впечатлѣній никакого серьезнаго сопротивленія. Къ этому прибавилась болѣзнь. Ударъ японской сабли оставилъ надолго слѣдъ, и въ 1897 г. у Николая стали въ угрожающихъ размѣрахъ усиливаться головныя боли, повергавшія его въ состояніе полной душевной депрессіи. Припадки апатіи граничили съ душевнымъ разстройствомъ. Это были форменныя галлюцинаціи: царь всюду видѣлъ паутину, сметалъ ее и приказывалъ дѣлать тоже приближеннымъ. Не началось ли это съ того, что онъ видѣлъ себя опутаннымъ сѣтями революціонныхъ заговоровъ? Вѣрно лишь одно: онъ не видалъ вокругъ себя другой, дѣйствительно вездѣсущей въ дворцовыхъ палатахъ паутины, безвозвратно опутывающей всѣхъ коронованныхъ особъ — паутины придворной клики, существующей волею тирановъ, приспособленной окружать тирановъ и воспитывающей тирановъ.

И вотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше изъ этой заурядной фигуры, скорѣе наклонной къ мягкости и благодушію, чѣмъ къ жестокому самодурству, начинаетъ въ силу желѣзной логики положенія, развиваться типичный тиранъ, въ одно и то же время жалкій и озлобленный, слабохарактерный и закоренѣлый. Постояннымъ гостемъ въ его дворцѣ оказывается скоро Іоаннъ Кронштадтскій; изъ устъ этого облаченнаго въ ризы Іудушки льются потоки лампадной философіи, и царь впиваетъ въ себя новыя откровенія о сущности боговнушенныхъ задачъ царской власти. . . . Ему обѣщано, между прочимъ, что, пока въ Россіи останется самодержавіе, въ нее не придетъ антихристъ. Православнаго шамана скоро смѣняетъ фокусникъ болѣе moderne style, спиритъ, престидижитаторъ и оккультистъ Филиппъ — вывезенный въ Петербургъ великой княжной Милицей Николаевной; идутъ вызыванія духовъ, и Николай входитъ, чрезъ посредство этого ловкаго авантюриста, въ непосредственныя сношенія съ загробнымъ міромъ, получая отъ своихъ предшественниковъ на тронѣ еще болѣе практическія совѣты и указанія... Такъ, одинъ изъ духовъ, болѣе интересующійся житейской прозой, рекомендуетъ отдать концессіи на городскую желѣзную дорогу Балинскому и комп.; а другой, болѣе занятый государственными дѣлами, требуетъ военнаго суда надъ Качурой...

* *

Когда Николай вошелъ на престолъ, русская либеральная пресса разумѣется, хоромъ стала воспѣвать будущія, чаемыя

отъ «молодого монарха» великія и богатыя милости. Это — тотъ испытанный методъ, который «оппозиція Его Величества» издавна противупоставляетъ методу придворной камарильи. Та запугиваетъ; эта, напротивъ, доказываетъ, что все «добро зѣло». Та льститъ, внушая своему «барину» головокружительную мысль о его всемогуществѣ и непогрѣшимости; эта тоже льститъ, стремясь перетолковать въ либеральномъ смыслѣ всякаго чиханье «августѣйшаго», расхваливая его за этотъ либерализмъ и уповая дохвалить до настоящихъ либеральныхъ реформъ. И получаетъ за это въ награду бичи и скорпіоны.

Всеподданѣйшие адреса, которыми либеральныя земства привѣтствовали наслѣдника Топтыгина III, были болѣе чѣмъ скромны, и, собственно говоря, слѣда конституціонныхъ стремленій въ нихъ пришлось бы искать днемъ съ огнемъ. Всѣ они на разные лады перепѣвали одинъ и тотъ же мотивъ: «пусть голосъ нашъ, голосъ земщины, дойдетъ до высоты престола», нуженъ «открытый доступъ голосовъ земства къ престолу».

Либеральный авторъ С. Мирный, собравшій и издавшій заграницей всѣ эти земскіе адреса, съ комментаріями, выясняющими ихъ политическій смыслъ («Адреса земствъ 1894-95 г. и ихъ политическая программа»), совершенно справедливо указалъ, что «мысль, выразившаяся въ адресахъ, идеалъ, который въ нихъ сказался, есть безспорно отрицаніе абсолютизма канцелярій, но и вѣра въ истину самодержавія, вѣра, что самодержавный государь можетъ явиться оплотомъ свободы жизни и правъ личности». Какъ видите, идея довольно невинная. Точно также хотя бы и «Освобожденіе» справедливо замѣчаетъ, что «это было не умаленіе — это была идеализація самодержавія». И нужно было достаточно ненормальное и раздраженное настроеніе духа, чтобы въ отвѣтъ на такія вѣрноподданически-либеральствующія рѣчи бросить тотъ грубый окрикъ о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», которымъ разрѣшился «молодой монархъ» на торжественномъ пріемѣ. Какъ видно, онъ уже видѣлъ въ земскихъ Макіавели поднимающую голову гидру революціи... Его прямо забрасываютъ депутаты отъ сословій складнями, ларчиками, образами, серебряными блюдами, солонками — но онъ съ подозрительностью маніака уже высматриваетъ въ глазахъ земцевъ робкія надежды на грядущія перемѣны и спѣшитъ пресѣчь зло въ корнѣ, заявивъ, что «твердо и неуклонно» будетъ идти «по стопамъ родителя»...,

Характерно описаніе очевидцами этой исторической сцены. Въ немъ, какъ живой, встаетъ этотъ «робкій, заикающійся, краснѣющій молодой человѣкъ», который производилъ свой первый опытъ выступленія въ роли разгнѣваннаго коронованнаго громовержца. «Предъ своею рѣчью царь выступилъ на 3 шага впередъ и началъ говорить напряженно и ненатурально. Голосъ его, начавшись съ невѣрной ноты, подымался все выше и закончился крикомъ. Чувствовалась сразу фальшь и сознаніе фальши и ораторомъ, и аудиторіей. Это была рѣчь, лишенная не только величія, но и простого достоинства. Это были полуистерическія выкрикиванія застѣнчиваго человѣка, который, очертя голову, кидается напроломъ въ исполненіе чужого и чуждаго ему предписанія... Это былъ манекенъ царя, автоматъ, загипнотизированный вліяніемъ высшей бюрократіи. Впечатлѣніе было болѣзненно и сильно именно этой жалкой истеричностью и автоматизмомъ... Разсказываютъ, что въ это время молодая царица, еще плохо понимавшая русскую рѣчь, наклонилась къ одной изъ великихъ княгинь и спросила по французски: «Qu'est ce qu'il leur explique?» («Что это онъ имъ объясняетъ?») — «Il leur éxplique — отвѣчала спрошенная—qu'ils sont des imbeciles». («Онъ объясняетъ имъ, что они — идіоты».*)

Та же раздраженная запуганость неоднократно повторяется дальше, все чаще и чаще вызывая Николая на грубыя и нетактичныя выходки. Призракъ революціи не даетъ ему спать. Въ Ярославлѣ въ 1895 г. войско разгоняетъ стачечниковъ и даетъ залпъ по толпѣ, уже обращающейся въ бѣгство, убиваетъ и ранитъ многихъ, причемъ большинство жертвъ оказывается пораженными *съ тыла*. И царь надписываетъ на докладѣ: «весьма доволенъ спокойнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ», а командующій войсками округа, Костанда, сообщаетъ о милостивыхъ словахъ царя, передаетъ «спасибо молодцамъ-фанагорійцамъ» и офицерамъ — «искреннюю благодарность за *умѣлое* и своевременное употребленіе оружія»...

---

*) Не такъ давно, впрочемъ, царь повторилъ этотъ урокъ, отвѣтивъ на славянофильскія изліянія насчетъ единенія самодержавнаго царя съ земщиной, что это выходитъ изъ круга вѣдѣнія земскихъ учрежденій, а потому онъ «повелѣть соизволилъ, чтобы случаи, подобные настоящему, впредь не повторялись»; и уже совсѣмъ недавно грубо обозвалъ «дерзкой и безтактной» попытку черниговскаго земства выразить свои скромныя конституціонныя пожеланія...

Восхищенной этой и аналогичными услугами войскъ, Николай догадался даже въ особомъ рескриптѣ заявить: «военная служба нынѣ стала великой школой государственнаго воспитанія для народа».

Послѣ знаменитой бойни на Казанской площади, вызвавшей взрывъ возмущенія даже въ людяхъ, самыхъ благонамѣренныхъ, царь передалъ въ рѣзкой формѣ свое личное неудовольствіе кн. Вяземскому, пытавшемуся остановить полицейскія звѣрства, — а палочникъ Клейгельсъ, созвавши 26 іюня всѣхъ чиновъ полиціи, заявилъ имъ: «я счастливъ передать вамъ, что государь императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію безпорядковъ — начиная съ весны нынѣшняго года»...

Мяснику Оболенскому за его «дѣянія» Плеве на торжественномъ обѣдѣ передаетъ отъ царя — орденъ и *поцѣлуй*...

Затѣмъ слѣдуетъ жандармскій съѣздъ, послѣ котораго царь лично объявляетъ шефу отдѣльнаго корпуса жандармовъ свою надежду, что «отнынѣ тѣсный союзъ, установившійся между нами (жандармеріей и престоломъ), будетъ крѣпнуть все болѣе и болѣе»...

Такимъ же точно образомъ, когда реформированная Бобриковымъ финляндская полиція, за рядъ незаконныхъ дѣяній, подверглась преслѣдованію стоявшихъ на стражѣ закона финляндскихъ судовъ, царь приказываетъ передать отъ своего лица Гельсингфорскому полицейскому корпусу «полнѣйшее благоволеніе и большое спасибо за разумное, энергичное поведеніе», и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, «что они и впредь будутъ служить царю и отечеству съ такимъ же рвеніемъ».

Какъ извѣстно, мать С. В. Балмашева послѣ смертнаго приговора подала на имя царя прошеніе о помилованіи сына. Царь категорически заявилъ, что о помилованіи могла бы идти рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если бы самъ «преступникъ» принесъ покаяніе и просилъ о монаршемъ прощеніи... Впрочемъ, онъ еще раньше не менѣе категорически заявлялъ: «за Сипягина не помилую».

Когда царю нашептали, что Ванновскій идетъ слишкомъ далеко, и что онъ можетъ слишкомъ раздразнить аппетиты прежде столь смирной либеральной оппозиціи, царь въ припадкѣ свойственнаго ему испуганнаго раздраженія пишетъ старику собственноручно крайне грубое, неделикатное и рѣзкое письмо, весьма недвусмысленно предлагая ему удалиться на покой. Мало того — даже при послѣднемъ пріемѣ опальнаго министра онъ постарался показать ему, насколько ему

противны всякія «либеральныя» затѣи. Когда удаляющійся «на покой» старикъ сталъ высказывать свои «послѣднія» соображенія о положеніи дѣлъ съ образовательной реформой, Николай сталъ выказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣть то и дѣло на часы... На вопросъ разстроеннаго Ванновскаго, не торопится ли куда нибудь «Его Величество», тотъ отвѣтилъ: «Да, дядя Дмитрій Константиновичъ обѣщалъ мнѣ нынче показать двухъ жеребцовъ... я и тороплюсь». Старикъ вылетѣлъ бомбой изъ кабинета и публично разрыдался.... «Плачетъ старый камень, въ прудъ роняя слезы»... Зенгеру за какое-то преобразованіе прогимназіи въ гимназію (въ г. Лодзи) достается «высочайшій» автографъ: «сколько разъ я говорилъ, что не сочувствую такимъ преобразованіямъ!» С. Ю. Витте, недавній фактическій самодержецъ, вынужденъ былъ оставить свой портфель, горько жалуясь, что «человѣка, который прослужилъ болѣе десяти лѣтъ министромъ, прогоняютъ, какъ лакея»...

Какъ извѣстно, Плеве увѣрялъ Янжула, что въ правительствѣ наибольшій антисемитъ — самъ царь. Извѣстенъ также эпизодъ со скрипачемъ Падеревскимъ. Николай выразилъ ему послѣ концерта въ Зимнемъ дворцѣ свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела *игра русскаго*. «Простите, Ваше Величество — отвѣтилъ Падеревскій — но я полякъ». Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ злобы Николая, и обошелся Падеревскому высылкой въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться.

Нѣтъ сомнѣнія, что иногда подобныя выходки являются прямымъ результатомъ какихъ-то болѣзненныхъ вспышекъ. Это очевидно. По временамъ царь изнемогаетъ подъ бременемъ кроваваго наслѣдства предковъ, удаляется и запирается по цѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ, болѣзненно реагируетъ на всѣ впечатлѣнія и особенно податливъ ко всѣмъ возможнымъ нашептываніямъ. Когда 10-го мая 1902 года по приказанію Сипягина раздались первые выстрѣлы въ безоружную рабочую толпу, Николай явился въ государственный совѣтъ испуганный и удрученный, мрачный, какъ ночь. Стоя, въ молчаніи выслушалъ царь рѣчь Михаила Николаевича, и, вмѣсто отвѣтной привѣтственной рѣчи съ объявленіемъ наградъ и милостей, — повернулся и ушелъ, оказавъ небывалое невниманіе, неуваженіе, оскорбленіе «маститымъ» членамъ государственнаго совѣта... Характерна эта психологія «послѣдыша» самодержавія, предчувствующаго надвигающійся конецъ и видящій на яву страшные сны...

Наконецъ, личность царя время отъ времени даетъ себѣ чувствовать въ нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ.

Въ апрѣлѣ 1902 года государственный совѣтъ, при обсужденіи проэкта объ управленіи дѣлами инородцевъ въ Сибири, отвергъ статью о правѣ крестьянскихъ начальниковъ наказывать розгами и, кстати, *единогласно* постановилъ «принести къ стопамъ государя просьбу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ Россіи вообще». Николай приказалъ «пересмотрѣть вопросъ». Государственный совѣтъ повторилъ то же рѣшеніе. На соотвѣтственную «меморію» царь положилъ краткую резолюцію: «Когда захочу, тогда отмѣню». Вѣроятно уже тогда царь рѣшилъ не раньше осчастливить мужицкія тѣлеса избавленіемъ отъ терзаній, чѣмъ самого его Всевышній осчастливитъ наслѣдникомъ...

Такъ, далѣе, когда Государственный Совѣтъ отклонилъ большинствомъ проэктъ Бобрикова-Куропаткина объ измѣненіяхъ въ военномъ законѣ Финляндіи, царь нисколько не поколебался изъять законопроэктъ изъ обсужденія совѣта и передать въ особое секретное совѣщаніе, которое и приняло свое, чреватое тяжкими послѣдствіями, рѣшеніе...

Наконецъ, какъ извѣстно, личная воля царя съиграла свою роль и въ началѣ русско-японской войны. Онъ упрямо повторялъ, что Японія не рѣшится воевать, и не менѣе упрямо поддерживалъ людей вродѣ Алексѣева, проводившихъ по отношеніи къ Японіи самую неуступчивую и вызывающую политику. Витте даже въ эпоху своего могущества ничего не могъ подѣлать съ этими симпатіями «молодого монарха», и съ раздраженіемъ, совершенно безцеремонно называлъ всю нашу политику на Дальнемъ Востокѣ «la politique d'un jeune homme». Кто знаетъ, насколько вліяло при этомъ на царя непріятное воспоминаніе объ эпизодѣ, когда обнаруженное имъ — еще наслѣдникомъ — неуважительнаго отношенія къ японскимъ святынямъ, навлекло на его легкомысленную голову сабельный ударъ японскаго фанатика... Вѣрно лишь то, что въ этомъ вопросѣ царь и теперь снова кладетъ на чашку вѣсовъ свою личную волю, свое личное упорство и закоренѣлость. Пародируя Александра I, онъ заявляетъ принцу Баттенбергскому, что не прекратитъ войны, пока у него останется хотя одинъ солдатъ и хотя одинъ рубль въ государственной казнѣ. Во что бы то ни стало, ему нуженъ кровавый реваншъ надъ Японіей; его авантюра уже стоила Россіи неисчислимыхъ затратъ и неисчислимыхъ жертвъ людьми; искуп-

леніе этой авантюры можетъ стоить вдвое, втрое больше; но — pereat Россія, fiat удовлетвореніе царскаго самолюбія!

И въ послѣднее время, какъ сообщаютъ намъ, этотъ уже достаточно отшлифованный азіатскій деспотъ даетъ о себѣ все больше и больше чувствовать при направленіи политики. Такъ, — пишутъ намъ — «замѣчаемыя колебанія Мирскаго въ «новомъ курсѣ» объясняются непрочностью положенія новаго министра и личнымъ поведеніемъ Николая Послѣдняго, который отъ времени до времени и совершенно неожиданно для власть имущихъ вдругъ начинаетъ упрямо упираться. Оказывается, что онъ теперь никому не вѣритъ и никого къ себѣ близко не подпускаетъ, разсматривая въ то же время всѣ теперешнія несчастья и новшества, какъ временныя испытанія, ниспосылаемыя на него свыше за грѣхи предковъ. Слово «конституція» приводитъ его въ самое дурное расположеніе духа...»

Все это не совсѣмъ гармонируетъ съ обычнымъ взглядомъ, будто Николай дѣлаетъ лишь то, что ему подскажутъ. Этотъ обычный взглядъ вѣренъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Понятно, что при общей невѣжественности, слабохарактерности и легкомысліи царь не можетъ обойтись безъ какой нибудь «твердой руки». Но есть пункты, достаточно элементарные, чтобы царская голова ихъ могла охватить, — и въ нихъ у Николая оказывается чрезвычайное упорство и настойчивость. И сущность самодержавнаго режима, которая дѣлаетъ не случайностью, а общимъ правиломъ вліяніе случайностей и мимолетныхъ капризовъ, которымъ подвержена случайная личность самодержца, даетъ полный просторъ проявленію все болѣе усваиваемыхъ царемъ замашекъ турецкаго султана, плюющаго на всѣхъ и на вся: «да развѣ я не самодержецъ?»

Куда дѣвалась былая робость, застѣнчивость, неловкость юноши-царя! Все это оказалось результатомъ непривычки, когда ему «шапка мономаха» была еще внове.... Говоря словами одного изъ персонажей Островскаго, очевидно, «это отъ малодушества—со временемъ проходитъ»...

* * *

Такова была личность царя, такова была естественная исторія ея развитія въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ ей пришлось принять тяжелое политическое наслѣдство дома Романовыхъ.

Спустимся теперь съ верховъ общественной пирамиды въ

ея средніе и нижніе ярусы — и посмотримъ, что творилось тамъ, на что приходилось опираться верхушкѣ этой пирамиды, какъ на свое основаніе, какъ на свой фундаментъ.

Перипетіи личной жизни послѣдыша дома Романовыхъ являлись лишь слабой, поверхностной рябью, совершенно не касавшейся глубинъ этого огромнаго человѣческаго моря, гдѣ дѣйствовали совершенно особыя теченія, гдѣ дѣла шли себѣ своимъ порядкомъ.

Отъ Александра III сынъ его унаслѣдовалъ совершенно сложившуюся политику, опирающуюся на совершенно опредѣленные общественные интересы и не менѣе опредѣленныя общественныя группы. Николаю II выпало лишь несчастье присутствовать при томъ моментѣ въ развитіи этой политики, когда она, развившись логически до самыхъ послѣднихъ крайностей, привела себя къ абсурду.

Великорусское торгово-промышленное сословіе — такова была новая сила, которую подготовило царствованіе Александра II, которой расчистили почву «великія реформы 60-хъ гг.», и которая особенно выдвинулась, какъ политическая сила, при Александрѣ III, этомъ царѣ-протекціонистѣ по преимуществу. Мы подчеркиваемъ, что это было *великорусское* торгово-промышленное сословіе — ибо характернымъ для него являлся антагонизмъ съ фабричными слоями Польши, Остзейскихъ провинцій и т. п. Оно даже приравнивало эти послѣдніе къ «иностранной» промышленности и требовало одно время противъ нихъ боевыхъ пошлинъ. Дѣйствительно, между ними существовалъ крупный антагонизмъ. Фабрики Польши и Остзейскаго края набросились на американскій хлопокъ и перерабатывали иностранные полуфабрикаты, часто работали и иностраннымъ углемъ; то, другое и третье они имѣли изъ первыхъ рукъ. Имъ была нужна свобода торговли. Центральный великорусскій промышленный районъ, работая Уральскимъ и Донецкимъ углемъ, Кавказской нефтью, имѣя близко среднеазіатскій хлопокъ, наоборотъ, былъ бы при свободной торговлѣ въ невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ болѣе культурными окраинами. Наоборотъ, при протекціонизмѣ, при пошлинахъ на иностранный хлопокъ, уголь, полуфабрикаты онъ сразу выдвигался, пріобрѣталъ огромныя преимущества, побивалъ рекордъ, имѣя изъ первыхъ рукъ домашніе сырые матеріалы, топливо, полуфабрикаты. Наши текстильные короли, желѣзодѣлатели Урала, горнопромышленники Донецкаго бассейна, съ своимъ торговымъ центромъ — Нижегородской ярмаркой, выступили, какъ ревнители чисто-русскихъ, на-

ціональныхъ интересовъ. Антагонизму производственныхъ интересовъ соотвѣтствовало и культурное различіе. Промышленники западныхъ окраинъ, тяготѣя къ сосѣднимъ европейскимъ странамъ, связанные съ ними и сношеніями экономическими, и культурно-національнымъ родствомъ, были болѣе склонны къ прогрессу; ихъ рабочіе требовали лучшей заработной платы, и норму прибыли имъ приходилось преимущественно повышать техническими улучшеніями; промышленники-же центра и юга пользовались дешевыми рабочими руками, налегали на болѣе длинный рабочій день, были менѣе культурно развиты. Первые были настроены болѣе либерально, стояли за сближеніе съ Европой, были непрочь отъ фабричнаго законодательства, которое принудило бы и центральныхъ фабрикантовъ уменьшить рабочій день, и тѣмъ сравняло бы въ этой области шансы обоихъ антагонистовъ; вторые стояли за таможенную войну съ Европой, стремились всячески отгородиться отъ нея, не желали вмѣшательства въ «патріархальныя» отношенія ихъ съ рабочими, тяготѣли къ Азіи, къ азіатскому сырью, азіатскимъ рынкамъ и азіатскимъ порядкамъ. Великорусское торгово-промышленное сословіе хотѣло обширныхъ и защищенныхъ отъ иностранной конкурренціи рынковъ. Для сбыта и для безпрепятственнаго черпанія сырья имъ были нужны широкія, политически-подчиненныя, включенныя внутрь россійской таможенной стѣны территоріи. Они горькимъ опытомъ убѣдились въ затруднительности, почти невозможности конкуррировать съ европейской промышленностью на нейтральныхъ рынкахъ. Отсюда и ихъ политическій идеалъ: «Россія должна представлять собой не только міровую державу, но и самостоятельное міровое хозяйство, охватывающее всѣ климатическія зоны, производящее всѣ земные продукты, замкнутое для вторженія извнѣ, само удовлетворяющее себя извнутри!» *)

На примѣрѣ великорусской буржуазіи видно, что въ классовой борьбѣ численность далеко не играетъ рѣшающей роли; наоборотъ, энергія, подвижность и организованность являются огромной силой. Политика, которой требовали интересы великорусской буржуазіи, предполагала искуственный подъемъ цѣнъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ; она предполагала, что сельское хозяйство, земледѣліе, огромная масса крестьянства и крайне сильный землевладѣльческій классъ будутъ

---

*) Шульце Геверницъ, «Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи», гл. II, стр. 219.

покупать сельско-хозяйственныя орудія и машины, удобреніе, сталь, желѣзо, продукты обрабатывающей промышленности на крайне невыгодныхъ для себя условіяхъ; она предполагала затрату крупныхъ денежныхъ средствъ — за счетъ, конечно, податныхъ сословій — на осуществленіе конкретной программы азіатской политики міровой державы*); она предполагала искуственное подавленіе промышленности окраинъ. Тѣмъ самымъ политика эта рисковала вызвать оппозицію огромнаго большинства населенія. Великорусская буржуазія, такимъ образомъ, имѣла передъ собой грандіозную задачу: сдѣлать такъ, чтобы ея интересы на политической чашкѣ вѣсовъ перевѣсили интересы по крайней мѣрѣ 85 процентовъ всей націи. И она разрѣшила эту задачу.

На помощь великорусской буржуазіи пришли два фактора. Это было, во первыхъ, извѣстная солидарность ея интересовъ съ интересами бюрократически-самодержавнаго строя. Состояніе государственныхъ финансовъ, при задолженности Россіи, при усиленномъ перетеканіи золота заграницу, требовало искусственныхъ мѣръ къ поощренію вывоза и затрудненію ввоза, съ цѣлью оплаты заграницѣ золотомъ избытка нашего вывоза надъ ввозомъ. Это побуждало нашихъ государственныхъ людей, съ ихъ грезами о выгодномъ торговомъ балансѣ, рѣшительно пойти по дорогѣ протекціонизма, который въ то же время представлялъ для казны и прямую статью дохода. Вторымъ же факторомъ побѣды великорусской буржуазіи было ея умѣнье обдѣлать дѣло съ власть имущими, во время зайдя съ задняго крыльца. Представитель французской буржуазіи, Сіейсъ, говоритъ: «что такое третье сословіе? — Ничто. — Чѣмъ оно должно быть? — Всѣмъ». Въ отличіе отъ него русскій буржуй, самодовольно похлопывая себя по туго набитому карману, изрекаетъ знаменитую фразу изъ статьи, въ свое время сильно нашумѣвшей, и, какъ оказалось, инспирированной биржевымъ комитетомъ Нижегородской ярмарки мѣстной газетѣ: «Всероссійское купечество—*все можетъ*!»**)

---

*) Cp. Alfred Rambaud, «Histoire de la Russie», 5-e ed., Ch. XL (Nicolas II) pp. 861, 863-864.

**) О первыхъ политическихъ притязаніяхъ русской буржуазіи, въ смыслѣ образованія при минист. финансовъ совѣщательнаго учрежденія изъ выборныхъ представителей торгово-промышленнаго класса и объ уничтоженной цензурою брошюрѣ Менделѣева и Шнейдера въ этомъ духѣ см. L. Tikhomiroff, «La Russie politique et sociale», p. 203.

Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ при этомъ было умѣнье внести раздѣленіе въ лагерь противниковъ. Покровительство промышленности произошло за счетъ сел.-хозяйства. Оставалось въ лагерѣ сельскихъ хозяевъ выдѣлить многочисленные элементы стародворянскаго, крѣпостническаго пошиба; неприспособленные къ новымъ, пореформеннымъ условіямъ, элементы эти изъ рукъ вонъ плохо вели хозяйство и еще хуже разбирались въ своихъ хозяйственныхъ, производственныхъ интересахъ. Низкое состояніе техники хозяйства дѣлало для нихъ маловажнымъ возвышеніе цѣнъ даже на с.-хоз. машины, искуственное удобреніе и т. д. За этотъ ущербъ ихъ было не трудно удовлетворить прямыми и грубыми сословными подачками. Итакъ, сохраненіе сословнаго дворянскаго строя, привилегіи по доступу дворянъ въ ряды бюрократіи, дворянскій банкъ, податныя льготы, воспособленіе, созданіе чисто-сословныхъ синекуръ, вродѣ должности земскихъ начальниковъ, вообще возстановленіе ихъ власти надъ крестьянами — такова была система мѣръ, которыми къ союзу бюрократіи съ великорусской буржуазіей былъ привлеченъ еще и третій общественный слой — дворяне-аграріи.

Внѣ союза остались: во первыхъ — окраинная буржузія, перешедшая съ оппозицію и усилившая мѣстами сепаратистскія тенденціи; но именно осложненіе хозяйственнаго антагонизма національнымъ усиливало позицію нашего «тройственнаго союза», давая обильную пищу патріотической демагогіи. Во вторыхъ, внѣ союза осталась болѣе культурная часть землевладѣльцевъ, брезговавшая положеніемъ «государственныхъ нахлѣбниковъ» и развившая оппозицію въ земствахъ;*) но разгромъ «Народной Воли» заставилъ земско-либеральную оппозицію присмирѣть; впрочемъ все таки началось систематическое урѣзываніе земства и выкуриваніе изъ него оппозиціи. Что касается мужика—объ немъ не думали ничего, кромѣ того, что «ёнъ достанетъ». Фабричный рабочій еще не выступалъ на политическую арену, революціонная интеллигенція еще не успѣла внести въ этотъ новосложившійся классъ революціонно-соціалистическія дрожжи.

Благодаря этому, интересы ничтожнаго меньшинства могли диктовать свою волю всей странѣ. Само собой разумѣется, что великорусская буржуазія при такихъ условіяхъ должна была являться въ политической области діаметральной про-

---

*) Ср. жалобы „Русскаго патріота“ (Б. Чичерина) въ книгѣ „Россія наканунѣ XX ст.“ стр. 50-52.

тивоположностью буржуазіи передовыхъ странъ запада: факторомъ не освободительнымъ, не либеральнымъ, тѣмъ паче не революціоннымъ, а реакціоннымъ. Совершенно естественно и неизбѣжно создался охарактеризованный выше тройственный союзъ наиболѣе эксплуатирующихъ и паразитическихъ классовъ; самодержавіе явилось только опредѣленной формой ихъ господства, именно *диктаторской* формой. Данная форма имѣетъ то неудобство, что, какъ извѣстно, диктаторъ, въ интересахъ своей партіи, можетъ очень деспотически и безцеремонно обращаться съ отдѣльными ея членами; но при извѣстныхъ условіяхъ диктаторская, а не свободно-демократическая форма господства является не только наиболѣе соотвѣтствующей интересамъ данной группы, но и единственной почти гарантіей ея интересовъ.*)

Такимъ образомъ сложилась, какъ единое, органически связанное цѣлое, слѣдующая политическая программа: самодержавіе; бюрократическая централизація; протекціонизмъ; сословность; ограниченіе самоуправленія; подавленіе окраинъ; поддержаніе безправія и невѣжественности деревни; колоссальный ростъ бюджета, главнымъ образомъ, военнаго; агрессивная политика азіатской міровой державы.

Николаю II пришлось пассивно, помимо собственнаго пониманія и воли, только довести до логическихъ послѣдствій эту политическую систему. Историческаго смысла своего царствованія — привести эту систему къ абсурду — этотъ коро-

---

*) Шульце-Геверницъ довольно мѣтко замѣчаетъ: «Переворотъ, опрокинувшій въ 70 гг. господствовавшее при Александрѣ II фритредерское направленіе... является побѣдой, одержанной центромъ надъ окраинами, побѣдой Москвы надъ Петербургомъ. Столь характерный для Петербурга эпохи Александра II либерализмъ, обращавшій свои взоры на западъ, отступилъ подъ напоромъ союза, образовавшагося между промышленными интересами центральныхъ областей Россіи и славянофильскимъ направленіемъ. Этотъ переворотъ проявилъ себя въ 80 гг. въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики». «Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему самоуправленіе теряло подъ собою почву съ начала 70 годовъ. Всякое представительство земельныхъ интересовъ подчеркиваетъ количественную слабость представителей промышленныхъ интересовъ. И въ этомъ случаѣ славянофильская теорія является идеологической оболочкой интересовъ промышленности». Авторъ ошибается лишь въ томъ, что односторонне выдвигаетъ изъ интересовъ всего «тройственнаго союза» интересы лишь одной изъ составныхъ его частей. Бюрократическій сановный Петербургъ есть союзникъ промышленной Москвы.

нованный микроцефалъ, разумѣется, никогда не сознавалъ и даже не подозрѣвалъ. Про все, что имъ — или, лучше сказать, при немъ — въ этомъ отношеніи было сдѣлано, онъ могъ бы, такимъ образомъ, сказать словами одной вульгарной пѣсенки: «безъ меня меня женили — меня дома не было». Въ области финансово-хозяйственной главнымъ творцомъ этой системы былъ Витте;*) въ области политической — Плеве; въ области «идеологической» — Побѣдоносцевъ.

Какъ бы то ни было, но передъ нами въ царствованіе Николая развернулись крайніе плоды господства этой системы: гнилость, продажность, негодность оставшагося безъ общественнаго контроля бюрократическаго механизма; истощеніе деревни, низкое состояніе земледѣльческой техники, бѣдность крестьянскихъ массъ, ростъ ихъ недовольства, прогрессирующее выкуриваніе ими изъ деревень нелюбимыхъ помѣщиковъ, стихійная попытка аграрной революціи въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ; концентрированная, но угрожаемая кризисомъ промышленность, рабочее движеніе, уже нашедшее ощупью дорогу къ могучему пролетарскому средству борьбы— всеобщей стачкѣ; военная авантюра на Дальнемъ Востокѣ и сбывшееся предсказаніе Энгельса, что запоздавшія вступить на путь капиталистическаго развитія страны могутъ себѣ найти только такіе рынки, гдѣ въ изобиліи окажутся лишь лихорадки и колотушки...

Это — банкротство системы. Это — поставленная исторіей задача: ликвидація политики внутри-россійскаго «тройственнаго союза».

Политика эта являлась, однако, органически-единымъ цѣлымъ. Ликвидація ея должна быть произведена по всей линіи. На очереди стоитъ великая историческая задача: установленіе полной демократіи и проведеніе принципа децентрализаціи, истребленіе съ корнемъ сословности; уничтоженіе китайской протекціонной стѣны; возрожденіе трудовой Россіи, и въ особенности возрожденіе земледѣлія, деревни, немыслимое безъ самыхъ радикальныхъ мѣръ; возрожденіе и просторъ національнаго развитія такъ называемыхъ «окраинъ»; уничтоженіе милитаризма, агрессивной политики, и, въ особенности, полная ликвидація политики захватовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Совершенно ясно, что само самодержавіе этой задачи ни-

---

*) См. превосходную характеристику этой системы у А. В. Пѣшехонова: „Централизація экономической власти" въ сборникѣ „На очередныя темы" (СПБ. 1904 г.).

когда не захочетъ и не сможетъ совершить. Только освободившіяся революціонно-разрушительныя и революціонно-творческія силы самаго рабочаго народа это могутъ сдѣлать — и должны это сдѣлать.

* * *

Правительство Николая II, конечно, наталкивалось время отъ времени то на одну, то на другую частность изъ этой огромной и нераздѣльно-единой проблемы. Оно, по свойственнымъ царю-упадочнику неустойчивости и малодушію, время отъ времени дѣлало видъ, что хочетъ пойти навстрѣчу потребностямъ жизни, желаніямъ общества; иногда показывало ту или иную приманку... Наивные люди устремлялись на эту приманку — и горько платились за свою наивность.

Такъ провоцировало правительство земцевъ высказывать «всю правду» въ сельскохоз. комитетахъ — и неосторожно повѣрившіе приглашенію попали въ западню, въ ловушку, и были наказаны. Сами виноваты — зачѣмъ устремились на царскій зовъ!

Такъ Зубатовъ и независимцы втолковали рабочимъ, что чисто экономическая борьба, безъ примѣси политики, не только дозволяется, но и поощряется — и одесскіе рабочіе валомъ повалили на обманчивый миражъ возможности улучшить свое положеніе при самодержавіи и съ помощью самодержавія—пока Одесская всеобщая стачка не была прекращена ружейными залпами, избіеніями, кровью...

Такъ полтавско-харьковскіе крестьяне — впрочемъ, безъ всякаго приглашенія, по чистому недоразумѣнію — повѣрили, что царь, какъ любящій отецъ своего народа, ничего не имѣетъ противъ перехода земель къ трудящимся — и валомъ повалили на обманчивый миражъ улучшенія своего положенія при самодержавіи — и снова выстрѣлы, кровь, избіенія, насилія были имъ тяжелымъ урокомъ.

И всѣ эти жертвы, всѣ эти разочарованія, купленныя дорогой цѣной, эти расплаты за вѣру въ царскія милости, въ царскую приманку — напоминаютъ мнѣ все ту же пророческую картину, все тотъ же прообразъ царствованія Николая—Ходынскую катастрофу.

Взгляните на это описаніе современника — и судите сами:

«Пируетъ русскій царь, пируетъ, окруженный всѣми отживающими силами стараго міра, — доморощенными холопами въ ризахъ и мундирахъ, чужестранными послами, представителями буржуазіи и милитаризма. Всюду блескъ, роскошь, азіатское великолѣпіе и внѣшній европейскій лоскъ. Приглашенъ участвовать въ этомъ династическомъ весельи и онъ, темный, изголодавшійся, изстрадавшійся народъ: для него царскіе слуги припасли дешевыхъ пряниковъ и орѣховъ, кумачныхъ платковъ и оловянныхъ кружекъ съ двуглавымъ орломъ. И народъ тронулся, какъ трогается всякая стихійная сила.... Но тутъ оказалось, что никому и въ голову не пришло заровнять ямы и овраги, закрыть, какъ слѣдуетъ, колодцы въ полѣ; за то деревянные проходы на дорогѣ къ баракамъ съ лакомствами были придуманы словно для настоящей охоты на народъ, въ видѣ съуживающихся воронокъ, или, какъ народъ назвалъ ихъ послѣ, «западенъ». А тутъ еще, говорятъ, власти нарочно распустили слухъ въ народѣ о томъ, что раздача угощеній началась, надѣясь вызвать усиленную давку и тѣмъ замаскировать скудость припасовъ... Цѣлый океанъ человѣческихъ головъ пошелъ на приступъ бараковъ, и эти живыя волны чувствующихъ, страдающихъ существъ перекатывались, раздавливая тѣхъ, кто нечаянно попалъ въ яму, кто ослабѣлъ, изнемогъ и падалъ. Трупы, словно остатки отъ кораблекрушенія, взмывались то тамъ, то здѣсь на поверхности этого моря искаженныхъ лицъ, безсильно всплескивающихъ рукъ, сжатыхъ кулаковъ, среди стона, проклятій и криковъ умирающихъ. Инымъ приходилось цѣлыми часами быть прикованными къ мертвецамъ, не имѣя возможности освободиться отъ этихъ ужасныхъ сосѣдей, которые отъ тѣсноты не могли даже упасть на землю... А наверху сіяло равнодушное солнце, и туманъ отъ этой дымящейся толпы поднимался къ лазурному небу, словно жертвенный фиміамъ молоху самодержавія...»

Развѣ это — не живая картина того, что, въ колоссально-огромныхъ размѣрахъ, происходитъ по всему лицу земли русской? Развѣ весь нашъ существующій строй — не одинъ огромный пиръ кучки царскихъ прихлебателей въ военныхъ и дворянскихъ мундирахъ, поповскихъ рясахъ и купеческихъ сюртукахъ? Развѣ для изголодавшагося рабочаго народа на этомъ пиру приготовлено что-нибудь, кромѣ обманчиваго миража «царскихъ гостинцевъ» — царской «милости», «довѣрія» и «сердечнаго попеченія»? И развѣ путь къ реальному пользованію обѣщанными благами не ведетъ къ такимъ же

«съуживающимся воронкамъ», предательскимъ ямамъ, ловушкамъ и западнямъ, какъ и тѣ, въ которыхъ гибли люди на Ходынскомъ полѣ? И развѣ народъ, развѣ вся страна, пока она валомъ валитъ на эти обманчивые миражи, не представляетъ собою того же моря человѣческихъ головъ, сбитыхъ въ нуждѣ, тѣснотѣ, яростно ведущихъ междоусобную борьбу за существованіе, толкающихъ другъ друга, давящихъ всѣхъ, кто изнемогъ и упалъ? И развѣ живые люди, желающіе выбиться на просторную дорогу развитія, не бываютъ прикованы въ этомъ всероссійскомъ человѣческомъ морѣ къ живымъ трупамъ, въ той общей давкѣ, гдѣ le mort saisit le vif — мертвый душитъ живаго? А развѣ этотъ дымъ пожарищъ на поляхъ Дальняго Востока, подъ грохотъ канонады, сѣющей десятки тысячъ смертей и отзывающейся въ сердцѣ Россіи безутѣшными воплями осиротѣвшихъ семей — развѣ этотъ багровый дымъ сраженій, — не есть зловѣщій фиміамъ Молоху самодержавія?

А между тѣмъ, присмотритесь поближе къ этому Молоху, который издали выглядитъ грознымъ богомъ, требующимъ человѣческихъ жертвъ — какъ онъ жалокъ, какъ онъ ничтоженъ! Какъ омерзительны и низки его прислужники и прихлебатели! Какъ сказывается на нихъ справедливость словъ французскаго поэта, гласящихъ, что «сильные и великіе міра только до тѣхъ поръ и потому кажутся намъ великими, что мы пали ницъ передъ ними — поднимемся же!»

Когда же поднимешься ты, русскій рабочій народъ? Когда, уставъ сгибать спину подъ рабскимъ ярмомъ и колѣнями скользить въ пыли и грязи, ты поймешь, наконецъ, весь ужасъ своего теперешняго положенія? Когда ты ужаснешься самого себя — и тѣмъ самымъ проникнешься мужествомъ, двигающимъ на возстаніе? Когда ты отвѣтишь грознымъ проклятіемъ на царскія милости такъ же, какъ и на царскія угрозы, и положишь конецъ Валтасарову пиру послѣдыша дома Романовыхъ и тѣснящихся у его трона твоихъ вѣковыхъ враговъ?

«Ей, гряди, Господи! ей, гряди скоро!»

Ю. Гарденинъ.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Prix : 30 centimes